

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПИСЬМЕННЫЕ
ПАМЯТНИКИ
ВОСТОКА

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Ежегодник
1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1977

З. Н. Ворожейкина

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО БЕЙТОВ,
ПРИПИСЫВАЕМЫХ РУДАКИ

Литературное наследие Рудаки (ум. в 329/940–41 г.)¹, признанного родоначальника персидско-таджикской поэзии, находится, как известно, еще в стадии собирания. Время не сохранило для нас диван Рудаки, насчитывавший, по средневековым свидетельствам, около ста тысяч бейтов. От семи поэм Рудаки дошли до нашего времени только отдельные строки.

Иранский филолог Саид Нафиси в результате кропотливых текстологических изысканий сумел реконструировать по 78 источникам (персидские толковые словари, литературные антологии, поэтические альбомы и проч.) некоторую часть наследия Рудаки, общей сложностью в 832 бейта². Новая публикация стихов Рудаки, предпринятая в Душанбе к 1100-летию со дня рождения поэта, включила дополнительно 147 бейтов, обнаруженных таджикскими учеными в основном в рукописных средневековых фархангах³. Таким образом, к настоящему времени литературное наследие Рудаки восстановлено в объеме 972 бейтов и 4 полустихий, причем почти половину этого составляют разрозненные бейты.

Рукопись Института востоковедения АН СССР под шифром А 688 – альбом стихов ("сафине"), составленный в XVII в. известным персидским поэтом Сайбом Табризи, позволяет ныне добавить к этому еще 5 фрагментов, насчитывающих 21 бейт⁴:

تیر او مانند روزی که زی مردم رسد
تیر دشمن باز گردد سوی دشمن چون صدا

Его стрела подобна ежедневному пропитанию, которое устремляется
к людям,
Стрела же врагов /его/ да обернется назад к врагам, как эхо!

دل سوختگانرا نتوان بست بزنجیر
الا بدارا و بشیرینی گفتار

Сердце страдающих невозможно привязать цепью,
И ничем другим, кроме ласки и приятности слов.

ای جان من از آرزوی توی تو بریان
بنمای یکی روی و ببخندای برین جان
دشوار نمای رخ و دشوار دهی بسوس
آسان بریبای دل و آسان ببری جان

نزدیک من آسانی تو باشد دشوار
نزدیک تو دشواری من باشد آسان

О душа моя, я испепелен от любви к твоему лицу!
Покажи хоть раз лицо и подари мне жизнь.
С трудом ты показываешь лицо и с трудом даешь поцелуй,
Легко похищаешь сердце и легко уносишь душу.
Для меня спокойствие твое тяжко,
Для тебя все тяготы мои легки.

ز بهر آمدگان دست او همیشه بکار
ز بهر نامدگان چشم او همیشه براه
نهاز نگردد آنجا که شاه گردد گذر
ملال ننگردد آنجا که شاه کرد نگاه

Ради прибывших руки его постоянно в работе,
И взор его постоянно устремлен на дорогу /в ожидании/
еще не прибывших.
Нужда не пройдет там, где ступает шах,
Тоска не проглянет там, куда взирает шах.

یکبار بود عید بهر سال به یکبار
همواره مرا عید زدیدار تو همواره
یکبار بسال اندر یکبار بود گل
روی تو مرا هست همیشه گل پر باز
بکروز بنفشه چینم از باغ بسته
زلفین تو پیوسته بنفشه است بخروار
یکهفته بدیدار بود نرگس دشتی
وان نرگس چینم تو همه ساله بدیدار
نرگس نبود باز که بیدار نباشد
بازست سیه نرگس تو خفته و بیدار
سوست که در باغ همه ساله بود سبز
با قد تو آن نهز بود کج و نگونار
پیرایه گلهای تو از عنبر ساراست
وآن لاله تو پیراهن لولو شهوار
از معدن زنکار پدید آید لاله

بر لاله ترا باز پدید آید ز نکار
چون مرکز پرکار خطی داری مشکین
کوچک دهنی داری چون نقطه پرکار
حوری بسپاه اندر و ماهی بصفت اندر
سوی که باسایشی و کبکی که برفتار
گر حور زره پوش بود ماه کمانکشی
گر سرو غزل گوی بود ماه قلع خوار

Один раз бывает праздник в году, только раз, –
Всегда для меня праздник, когда я вижу тебя, всегда.
Один раз в году, только раз, распускаются розы.
Лицо твое для меня – вечно распускающаяся роза.
Лишь однажды в году набираю я букет фиалок, –
Локоны твои – это целая копна невянувших фиалок.
Лишь одну неделю радуется взор степной нарцисс, –
Нарциссы твоих глаз круглый год радуют взор.
Нарцисс не раскроет /своей красоты/, пока не пробудится ото сна,
А черные нарциссы твои цветут красой, спят они или бодрствуют.
Тот кипарис, что стоит в саду зеленым круглый год,
Рядом с тобой кажется кривым и согнутым.
Розы твоего /лица/ украшены чистой амброй /кудрей/,
А тюльпаны /губ/ твоих – одежда для шахских жемчужин /зубов/.
Из зеленых рудников /лугов/ появляются тюльпаны,
А над тюльпанами твоих /губ/ появляется зелень /пушка/.
Темные брови твои как дуги, выведенные циркулем,
А ротик столь мал, как точка, оставленная циркулем.
В войске ты гурия, а в описаниях – луна,
Кипарис, когда стоишь, и куропатка, когда движешься.
Когда гурия надевает кольчугу, месяц стреляет из лука.
Если кипарис поет газели, месяц отпивает из чаши...

ای دلاشوب و دلارای و دلازار پسر
عهد بسته بوفا با من و ناورد پسر
تا فراق تو خبر بود عیان بود تنم
چون فراق تو عیان گشت تبم گشت خبر
من بیمارایم هر روز رخسانرا بسرشک
تو بیمارائی هرروز رخسانرا بگهر

О юноша, пленяющий сердце, услаждающий и терзающий его,
Ты связал себя со мной обетом верности и не сдержал его.
До тех пор, пока разлука с тобой была только на словах,
тело мое было явью,

Когда разлука с тобой стала явью, тело мое превратилось
в /пустой/ звук.

Я украшаю каждодневно щеки слезами,
Ты украшаешь каждодневно щеки жемчугом.

Источник найденных строк представляется достаточно надежным. Саиб Табризи, отобравший для своего альбома образцы творчества почти пятисот персоязычных поэтов, располагал, как можно думать, в ряде случаев более старыми рукописями, чем те, которые дошли до нашего времени. Поэты – в том числе около тридцати авторов самого раннего, домонгольского периода – представлены несколькими стихотворениями, чаще всего короткими выборками из разных стихотворений. Эти фрагменты, зачастую не превышающие двух-трех бейтов, включены составителем, по-видимому, как наиболее примечательные в художественном отношении и показательные для творчества того или иного поэта.

Творчество Рудаки представлено в альбоме сорока шестью бейтами: восемнадцатью краткими фрагментами, большей частью в один-два бейта, изредка в пять-шесть и более двустиший. Двадцать два приведенных в списке бейта текстуально совпадают с изданием С. Нафиси, с редкими и незначительными по смыслу разночтениями в отдельных словах. Двадцать три бейта⁵ отсутствуют как в тегеранском, так и в душанбинском изданиях. Из них двадцать один приведен выше; последний фрагмент, из двух бейтов, переписан неразборчиво, возможно с некоторым искажением текста.

Высокий уровень поэтического мастерства, при смысловой ясности и изящной безыскусности лиризма, самый отбор образных средств (в частности, художественный параллелизм, противопоставление, стилистический прием единоначатия), сближающий приведенные строки с опубликованными стихами Рудаки, не дают сами по себе оснований для сомнения в принадлежности их перу Рудаки, хотя вопрос о подлинности многих приписываемых Рудаки стихотворных фрагментов вряд ли когда-нибудь будет разрешен окончательно. В приведенных фрагментах газельного характера можно проследить к тому же логическое сцепление между бейтами, противоречащее канонам более поздней, сформировавшейся газели.

¹ "Рудаки и его эпоха". Сборник статей, Сталинабад, 1958; И.С. Брагинский, 12 миниатюр, М., 1966, стр. 34–61; А.М. Мирзоев, Рудаки. Жизнь и творчество, М., 1968 (приложена библиография); А.Т. Тагирджанов, Жизнь и творчество. История изучения, Л., 1968 (библиография).

² سميد نفیسی، احوال و اشعار ابو عبدالله جعفر بن محمد رودکی
سمرقندی، جلد ۳ - ۱، تهران، ۱۳۱۹ / 1940 - ۱۳۰۹ / 1930

³ آثار باقی مانده ابو عبدالله رودکی، ستالیناباد، 1958

⁴ Рукопись А 688 поступила в Азиатский музей в 1916 г. в составе Бухарской коллекции В.А. Иванова. Датирована 7 джумада 1136/27 января 1724 г. Включает 232 листа. Список дефектный, утеряны начальные и конечные листы, лакуны в середине. Приводимые ниже фрагменты, приписанные Рудаки, помещены на лл. 179а-179б; переписаны в три колонки, по 18-20 строк, скорописным настилом, с настоячивыми элементами шикасте.

⁵ Бейт, приведенный в настоящей заметке вторым, в списке являлся дважды.